

Antica & Poesia

КАТУЛЛ

ПОКА ЛЮБИТ
ДУША...

Antica Poesia

Гай Валерий Катулл
Пока любит душа...

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 82-1
ББК 84(4Ита)3-5

Гай Валерий Катулл

Пока любит душа... / Гай Валерий Катулл — «РИПОЛ Классик»,
2017 — (Antica Poesia)

ISBN 978-5-386-09920-6

Язвительный насмешник Юлия Цезаря, возлюбленный Лесбии, Гай Валерий Катулл писал свои «безделки», не задумываясь о том, что они станут излюбленными произведениями для переводов Фета, Пушкина, Третьяковского, Брюсова и других знаковых имен русской поэзии. Легенда гласит, что он прожил короткую (едва ли больше тридцати лет), но яркую жизнь, оставив после себя несколько десятков прекрасных лирических текстов, по сей день вдохновляющих людей на мечты и философские размышления.

УДК 82-1
ББК 84(4Ита)3-5

ISBN 978-5-386-09920-6

© Гай Валерий Катулл, 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Предисловие	6
Жизнь Катулла	10
1. К Корнелию Непоту[2]	16
2. К воробью Лезбии[6]	17
3. Плач о смерти воробья[8]	18
4. К галере[12]	19
5. К Лезбии[18]	20
6. К Флавию[19]	21
7. К Лезбии[21]	22
8. К самому себе[25]	23
9. К Веринию[27]	24
10. О возлюбленной Вара[29]	25
11. К Фурию и Аврелию[36]	27
12. К Азинию[40]	28
13. К Фабуллу[45]	29
14а. К Лицинию Кальву[49]	30
14 б. Отрывок[54]	31
16. К Аврелию и Фурию[55]	32
17. К Колонии[56]	33
22.[62] К Вару[63]	34
23. К Фурию[67]	35
24. К Ювенцию[70]	36
25. К Фаллу[74]	37
26. К Фурию[78]	38
27. К мальчику-прислужнику[82]	39
28. К Веранию и Фебуллу[86]	40
29. К Цезарю[91]	41
30. К Алфену[100]	42
31. К полуострову Сирмиону[102]	43
32. К Ипсифилле[106]	44
34. К Диане[107]	45
35. Приглашение Цэцилию[113]	46
36. К Анналам Волюзия[118]	47
38. К Коринфицию[125]	48
39. К Эгнатию[127]	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Катулл

Пока любит душа...

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Владимиру Сергеевичу Соловьеву
Пусть не забудутся и пусть
Те дни в лицо глядят нам сами,
Когда Катулл мне наизусть
Твоими говорил устами.

Прости! Лавровому венцу
Я скромной ивой подражаю,
И вот веронскому певцу
Катуллом русским отвечаю.

Боюсь, всю прелесть в нем убью
Я при такой перекочевке,
Но как Катулла воробью
Не расплодиться в Воробьевке!

Воробьевка. 1885 года, 17-го мая.

Предисловие

Применяясь к словам немецкого переводчика Ф. Гейзе, посвятившего многие годы на изучение и перевод Катулла, мы можем сказать: мы поставим этого римско-русского поэта, как двуликую герму в преддверие нашей словесности. Во внутренние покои проникают лишь редкие шаги; лишь на пороге желает он стоять в качестве привратника, возбраняя излишний прилив непосвященным и ободряя истинных учеников. Вы же, юноши, на которых, как на носителях грядущего, лежит между прочим и обязанность дальнейшего развития искусства, благодушно приступите. Полюбите небольшую книжку, если успеете, и если можно чему-либо из нее научиться, то пусть это будет то самое, чему старались над нею научиться и мы чтению поэтов.

Если всякий человек только при помощи постепенного опыта и взаимной проверки одних чувств другими приобретает знакомство с окружающим его видимым миром, в котором начинает различать добро и зло, то и в мире искусства невозможно ожидать, чтобы понимание приходило к нам при первом взгляде. Этот общий закон дает себя чувствовать всего более в том случае, когда мы имеем дело с произведениями, возникшими за тысячелетия среди жизни нам чуждой и неизвестной. Тут самый добросовестный переводчик помочь не в силах даже благосклонному читателю независимо от самостоятельной его работы. Истинное понимание столь отдаленных писателей никому не давалось разом и непосредственно. Изучение их всегда представляло ряд умственных трудов, из которых последующие опирались на предыдущие. И так переводчик, передавши читателю тот общий духовный портрет древнего поэта, который невольно возник в его душе, обязан приложить к тексту перевода благонадежную ариаднину нить объяснений, предоставляя будущему Тезею на собственный страх пускаться в лабиринт.

Самого переводчика можно уподобить дерзновенному водолазу, ищущему на дне морском сокрытых драгоценностей. Он приносит лишь то, что в данном случае нашел: редкостные украшения, перемешанные с изумительною дрянью, драгоценности, затонувшие при древних кораблекрушениях, огнецветные, фантастически изветвленные кораллы, истинные жемчужины в неприглядных раковинах; пусть другие разбирают, очищают и употребляют в дело. Лично ему остается надежда, что он исполнил нечто более долговечное, чем он сам. Если бы наша литература, подобно иностранному, обладала одним или многими буквальными переводами классиков, то и тогда явился бы вопрос: согласились ли бы мы в угоду известной гладкости современного языка перефразировать (читай исказить) древнего поэта. Но в настоящем случае нас нимало не смущают упреки в шероховатости, например, нашего перевода Ювенала. Такой упрек был бы совершенно уместен, если бы мы, подобно величайшему стилисту Пушкину, брались за подражание Катуллу, а не за перевод. Подражают, как хотят, а переводят как могут.

Равным образом не смущает нас и уныние знатоков при виде точно воспроизведенного русского лица нашей гермы, не имеющего бархатного налета, придаваемого мрамору крылами веков, налета, которым красуется каждая черта латинского лица того же Януса. Вообще, чем самобытнее и народнее поэт, тем менее поддается он художественному переводу.

Возможно ли переводить Пушкина, у которого и телятина и яичница, и даже ревматизм и паралич овезяны невыразимой прелестью? Не верите? Попробуйте сами написать или перевести пушкинскую телятину, и тогда только вы поймете, почему Маколей каждый раз плакал от умиления, читая 8 и 76 Песни Катулла. Но из невозможности воспроизводить впечатление оригинала никак не следует, что его переводить не должно или надлежит исказить. А нам, как нарочно, пришлось иметь дело с римским Пушкиным. Лучше мы не можем очертить личного и художественного характера нашего поэта. Тот и другой – светские юноши, ищущие жизненных наслаждений и умеющие находить их во всех предметах. Чистые и честные натуры, они

не опирались на какую-либо сознательную этику, а руководствовались одним преобладающим чувством. Оба, несмотря на небольшие наследственные имения, по врожденной беспечности, постоянно нуждались в деньгах, и Катулл, не стесняясь, бранит претора, в вифинской свите которого ему не пришлось ничем поживиться; а Пушкин добродушно сознается, что:

меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Оба они сознают и называют себя поэтами, но не считают себя записными поэтами, какими, например, были Гораций, Вергилий или Овидий. Не они искали поэзии, а она сама налетала на них, безразлично откуда, вырывая у них то сладостно-нежные и задумчивые, то игриво-забавные, то злонасмешливые стихи. С каким изумительным разнообразием придется встретиться читателю небольшой книги юноши Катулла! Но, при известном внимании, он заметит, что все это разнородное написано одною и той же мастерскою рукою. Нибур говорит (*Vorträge über Röm. Gesch.* III 8. S. 27): «Величайший поэт, каким обладал Рим, был Катулл. Он не ищет слов или форм: поэзия изливается из него самого; она у него тот язык, то выражение, которое приносится потребностью: каждое слово у него – выражение естественного чувства. Он вполне владеет совершенством греческих лирических поэтов и стоит на одной с ними высоте». О. Гейзе говорит, что Катулл – «свободная душа, горячее, живое сердце, открытое всякому, впечатляющее, и отзывающееся на него быстро и с избытком; он самозабвенно и безгранично увлекается ближайшим, как будто бы оно было всем, до такой степени он неисчерпаем и в любви, и в ненависти. Безумный, заносчивый, но честный, он во всех колебаниях страсти внутренне сдерживается якорем чувства правоты, требуемой богами; при этом любимец музыки, выше всего ей преданный, безусловно в нее верующий, во имя ее играющий, борющийся, преступный и успокаивающий ее силою свои самому себе причиненные страдания». Наконец, *Моммсен* следующим образом изображает Катулла (*Röm. Gesch.* III S. 579–581. zweite Ausgabe): «И Катулл по содержанию и форме зависит от александрийцев. Мы находим в его собрании переводы произведений Каллимаха, и притом вовсе не самых лучших, а скорее самых трудных. И между оригинальными стихотворениями встречаются искусственные, модные пьесы, как, например, изысканные галлиямбы в честь фрикийской богини; и даже столь прекрасное вообще стихотворение о свадьбе Фетиды испорчено чисто александрийской вставкой „жалобы Ариадны“ в главную тему. Но рядом с этими ученическими произведениями стоит мелодическая жалоба настоящей элегии, стоит торжественная песнь в полном убранстве индивидуального и почти драматического движения, стоит прежде всего мастерская миниатюра образованного общежития, веселые, весьма непринужденные похождения с девами, в которых половину удовольствия составляет разбалтывание и поэтизирование любовных тайн, отрадная жизнь юности при полных кубках и пустых кошельках, любовь к странствиям и к поэзии, римский и еще чаще веронский городской анекдот и причудливая шутка в знакомом кругу друзей.

Но не одни струны сотрясает Аполлон нашего поэта, а берется и за лук; оперенная стрела насмешки не шадит ни скучного стихоплета, ни коверкающего язык провинциала, но никого не поражает она чаще и язвительней, чем сильных, угрожавших народной свободе.

Краткострочные и веселые размеры, оживляемые нередко припевами (*refrains*), исполнены с совершенством искусства и все-таки без приторной фабричной гладкости. Эти стихотворения приводят нас попеременно в долину Нила или По, но последняя нашему поэту несравненно более по душе. Его произведения, хотя и основаны на александрийском искусстве, но в то же время и на чувстве гражданской, так сказать, провинциальной самостоятельности, на противопоставлении скромного муниципала высокородным господам из сената, обыкновенно плохо относящимся к своим менее знатным друзьям; как это на родине Катулла, в цветущей

и сравнительно свежей Цизальпинской Галлии, могло быть ощущаемо живее, чем где-либо. В прелестнейших из его песен возникают сладостные картины Гардского озера, и едва ли в то время столичный житель был бы в состоянии написать стихотворение, подобное глубоко прочувствованному на смерть брата или прекрасной, истинно гражданской, торжественной песни на бракосочетание Манлия и Аврункулеи. Хотя Катулл и находился в зависимости от александрийских мастеров и держался в кругу модной поэзии современных ему кружков, но он был не только хорошим учеником среди многих посредственных и дурных, но и сам настолько превосходил своих учителей, насколько гражданин свободной итальянской общины был выше космополитического эллинского литератора.

Выдающейся творческой силы и высоких поэтических стремлений искать в нем, конечно, нельзя; он богато одаренный и прелестный, но не великий поэт и его стихотворения, как он сам их называет, только „шутки и глупости“. Но если не только современники были электризованы этими летучими песенками, но и художественные критики времени Августа ставили его рядом с Лукрецием и считали за значительнейшего поэта этой эпохи, то и современники и позднейшие были вполне правы. Латинская нация не произвела второго поэта, в котором художественное содержание и художественная форма появились бы в таком окончательном равновесии, как у Катулла; и в этом смысле собрание стихотворений Катулла, без сомнения, самое совершенное, что в состоянии выставить латинская поэзия».

Не решаемся прибавить ни одного слова к этому мастерскому очерку поэтической деятельности Катулла, написанному рукою Моммсена. Мы слишком хорошо знаем, что только прирожденный поэт может учиться писать стихи, но в этом случае важнее всего, у кого он будет учиться. Можно последовать и за такими наставниками, которые погубят и несомненное дарование. Мы переживаем эпоху самую неблагоприятную не только для всякого искусства, но и для всякого серьезного начинания. Вырвавшись на волю, мы сразу предались упоению собственными силами. Пользуясь неизбежно плодами преемственных трудов прежних деятелей, мы не только сочли эти последние плоды за самые совершенные, хотя бы, по воле судеб, они в нынешний урожай явились незрелыми и с червоточинами, но готовы всех тех, кто насадил и вывел самое дерево, считать неумелыми глупцами. Нам нипочем Соломона, Платона или Гомера обозвать дураками. На наши глаза все они были дураки; умны и умелы одни мы. Конечно, не таких современных умников приглашаем мы, посредством нашего перевода, к знакомству с Катуллом. По примеру Ф. Гейзе учиться читать Катулла мы приглашаем людей, действительно способных с эстетической пользой читать поэтов, и смиренно признаемся, что сами многому научились у Катулла. Что же касается до немногих песен, пройденных нами в молчании, то, к счастью, отличаясь лишь слишком ярким и непривычным для нас известным античным содержанием, они не в состоянии ни увеличить, ни уменьшить неуязвимого венца нашего поэта.

Касательно самой формы нашего перевода, считаем нужным присовокупить, что держались нумерации и текста Александра Ризе (Лейпциг, 1884 года).

Полагая, что наши невольные эстетические замечания будут гораздо нагляднее в объяснениях под самым текстом, ограничим нашу речь, обращенную к благосклонному читателю, кратким очерком недолголетней жизни нашего поэта.

Легко говорить о жизни исторического деятеля, основываясь на жизнеописании, составленном современником или позднейшим писателем, хорошо знакомым с делом. В подобном случае достаточно повторить историческое свидетельство и указать, в случае надобности, на места, почему-либо возбуждающие сомнения; но там, где приходится воспроизводить жизнь поэта из его же собственных стихов (где художественная правда далеко не совпадает с действительной) и из отрывочных свидетельств других писателей, имевших нередко в виду лишь соименника, дело становится чрезвычайно сложно и затруднительно. Проследить всю последовательную критику догадок и соображений, основанных на подобных данных, значило бы пред-

ставлять читателю скорее историю жизнеописания поэта, чем самое жизнеописание. Поэтому в данном случае мы предлагаем в главнейших чертах жизнь Катулла, как принимает ее позднейший его толкователь Ризе, ограничиваясь с нашей стороны весьма немногими заметками.

Жизнь Катулла

Цизальпинская Галлия вскоре после своего покорения стала сопричастна римскому образованию и литературе. Особенно в последнее столетие Римской республики происходили частые передвижения ученых римлян в Галлию Тогату и выдающихся галльских писателей в столицу. Достаточно указать на Корнелия Непота с берегов По, мантуанца Вергилия и Ливия патавинца (падуанца). Единновременно с римским образованием возникали и римские имена. Так, сотни раз встречается в надписях Вероны род Валериев, и фамилия Валериев Катуллов занимала, вероятно, в Вероне почетное положение. Отец поэта состоял с Цезарем в отношениях гостеприимства. Он владел виллой на Сирмионском полуострове близ Гардского озера и, как кажется, не забывал своего сына в столице денежной поддержкой. Если признать, что поэт наш родился в консульство Л. Корнелия Цинны, то, так как Цинна был в первый раз консулом в 87 г., а во второй в 84 г. до Р. Х., то нужно признать и один из этих годов за год рождения поэта. А как есть свидетельство, что поэт немногим пережил тридцатилетий возраст и в его произведениях нет указаний на события позднее 54 г. до Р. Х., то с известной уверенностью можно сказать, что поэт умер в 55 г. до Р. Х., 32 лет от рождения. Имя Квинт приписано ему Плинием (в Нат. Ист.) ошибочно от смешения с Квинтом Лутацием Катуллом, тогда как Гаем называется его Апулей, согласно с хроникой Гиеронима.

Кроме собственных явных намеков поэта, Овидий и Марциал прямо называют Верону родиной Катулла. Рано, однако, покинул Катулл свою галльскую отчизну для всемирной столицы: *живу в Риме я больше: там дом, там и оседлость моя, там я провожу свои годы*, говорит он в одном из ранних стихотворений (68а, I, ст. 34) и при этом упоминает о множестве любовных стихотворений, написанных раньше. *В те времена, как впервой получил я белую тогу* (ст. 15), – следовательно, приблизительно на шестнадцатом или семнадцатом году своей жизни, – *много я песен пропел*. Понятно, что предавшись в Риме поэзии, дружбе и любви, он сначала вступил в круг своих земляков, как о том свидетельствуют его стихотворения к Корнелию Непоту (1, *Тогда уже* ст. 5), к Целию и Квинтию, – *между веронскою всей вы молодежью цветки* (100, ст. 2) и др. Но при достаточности Катулла ему было легко вступить и в высшие круги римского общества, где при поэтическом таланте и живости характера он мог нравиться женщинам. В пользу его достаточности свидетельствующие вилла и поместье, которыми он обладал близ Тибура (44), равно как и случайно приводимые суммы его расходов и обращенных к нему просьб (10 000 сестерций 41, ст. 2; 103, ст. и; 100,000 сестерций 23, ст. 26).

Насчет богатства Катулла мы не можем согласиться с Ризе, принимающим выражение: *«вид у Катулла явно в кармане водят одни лишь пауки»* (13, ст. 8) только за временное состояние кармана поэта. Мы думаем, что он нуждался, так как самая его вилла (26) в залоге и нимало не ручается за денежную состоятельность поэта, да и куплена на чужие деньги, как на то в своем месте указывает Вестфаль.

Зажив столичным жителем, он скоро научился смотреть сверху вниз на *деревенщину, мужиконенавистника и провинцию* (22, 14. 36, 19. 43, 6) и запутался в любовные похождения, какими переполнено было римское общество. Самую сильную страстью воспылал он к непоименованной женщине; чтобы способствовать свиданиям с нею, друг поэта Малий, позднее, по усыновлению, прозванный Аллием, отворил влюбленным свой дом. Из довольно раннего стихотворения (68b) мы знакомимся как с могуществом первоначальной страсти поэта, так и с позднейшим его успокоением и даже утомлением. (Слич. 68, 51–135–160 ст.)

Эта страсть или по крайней мере закипевший из нее поток любовных песен подверглись резкому перерыву (68, 15) по случаю горестной вести, что единственный и горячо любимый брат Катулла умер в отдаленной Трое (68, 19–90 ст.), куда знатный молодой человек, быть может, отправился в свите какого-либо претора. Эта горестная весть сильно опечалила поэта.

Вполне вероятно, что с этим связано его грустное настроение, высказавшееся (68а) в Вероне, куда он мог отправиться, чтобы утешить отца и привести в порядок дела покойного брата. Он не только отказывает Малию в просьбе о веселых стихотворениях, но и с знатным оратором Гортензием поступает так же, ссылаясь на смерть брата (65, 5), и только с трудом собирает силы для перевода стихотворения Каллимаха (66). Но уже следующее вскоре за 68 а), 68 б) показывает, как любовь понемногу занимает прежнее место в душе поэта.

О любви Катулла к *Лезбии*, наполняющей следующую эпоху жизни поэта и возвысившей его до высочайших степеней лиризма, написано много всяких предположений. Если допустим, что поэт, выражавший свое душевное волнение, вовсе не желал оставить потомкам каких-либо положительных данных, что его стихотворения, подобно душе каждого человека, исполнены противоречий, то мы не возьмемся составлять точную картину этой любви, всего меньше станем пускаться в математическое разделение этого времени на периоды (в роде счастье – подозрение – разрыв). Все эти перемены способны волновать человека, а тем более впечатлительного поэта в один и тот же день.

Напрасно ссылаться на слова самого поэта о *долгой любви* (76, 13) и *долгом благочестии* (76, 5), стараясь объяснить их течением многих лет. А что если в этом случае часы казались ему годами? Поэтому мы можем излагать лишь то, что не стояло бы в явном противоречии с поэтом и его произведениями. Его тоскливое стремление к Лезбии уже слышно во 2, а 51, – 13, – 16 выражает не только упоение ее лицезрением, но и полнейшее ему подчинение до болезненности. При ее благосклонности он (5, 7) исполняется восторгом, он прославляет ее красоту (86) и позднее (43), и песнь его воспекает то, что ей нравится (3, 13, 11). Мы слышим поддразнивание там, где она любезно к нему обращается, или где он полагает, что под ее злобой скрывается любовь (92, 70, 72, и 83 и 36). Но раздаются и другие звуки. Он заставил Лезбию изменить ее супругу, над которым он (83) грубо издевается: как же было ему при этом надеяться, что она останется ему верна! И если он, по-видимому, относился в прежней любви к такому заслуженному жребью гораздо хладнокровнее (68, 135¹), то в настоящем случае справедливая кара за его увлечение скоро губит его счастье и самую жизнь. В этот период его духовных колебаний никакое хронологическое распределение его песен невозможно. Он видит себя обманутым и раздражается поносительными стихами против возлюбленной и, тем не менее, при новой ее благосклонности, он снова блаженствует (107, 109 и в особенности прелест. стих. 36): тут истребляются *прежние* насмешливые стихотворения, и он стыдится своих нападок (104), и только в 109 в нем возникает по-прежнему легкое сомнение насчет будущего.

Хотя он старается (в смысле прежних стихов 51, 13–16) приободриться и, когда она его оставляет в стороне, отстать от нее в свою очередь (8); но такое намерение лишь наполовину искренно. Как он при этом страдает, чувствуя притом собственную верность, свидетельствуют 87, 75, и в особенности 76; что при этом страдает и его нравственное достоинство, видим мы по тону многих стихотворений против его соперников, к которым Лезбия обращается с постепенно возрастающей необузданностью, как, например, против Руфа (77), Геллия (91), Квинтия (82), неизвестного (78 б), против Лезбия (79) и, наконец, даже против Эгнатия и подобных (37). Пламя любви все более и более превращалось в пламя ревности, даже ненависти, или как Катулл сам говорит, в нем осталась страсть, но уважение и благожелательство исчезли (72, 87, 75, 85).

Ни у одного поэта мы не встречали такого яркого, а между тем психологически верного, разделения в одной и той же душе неудержимого страстного влечения от уважения и благожелательства, хотя вопрос этот можно назвать самым жизненным во всех дружеских, а тем более супружеских отношениях, в которых первое, как мимолетное не может служить прочной основой союза, а вторые скрепляют его даже и после периода лихорадочной страсти. Но и утратив

---

¹ Сличи Гораци, Эпод. 14, 15.

уважение и благожелательство к любимой женщине, Катулл не в силах был надолго сохранить самую непосредственную страсть, когда Лезбия стала открыто предаваться разврату, как о том свидетельствуют пропущенная нами 37 и затем 58, 76, 24. Тогда он силится в трогательном 76 дать себе отчет в своем несчастье, в котором он признает себя невинным. Это стихотворение по нежности и задушевности ярко выдается в древней поэзии, подходя тоном скорее к Байрону или к Тютчеву. Наконец, поэт освободился от своей страсти. Когда в 55 году до Р. Х. по прошествии долгого времени Лезбия неловко пыталась возобновить прерванную связь, Катулл уже нашел силу спокойно высказать ей (11), что подобные вещи не возобновляются. Какая меткость и прелесть в последнем куплете этого стихотворения:

«Прежней любви ей моей не дожидаться
Той, что убита ее же недугом
Словно цветок на окраине поля
Срезанный плугом».

Апулей говорит, что Катуллоva Лезбия только псевдоним Клодии. Этим именем поэт в первый раз обзывает возлюбленную Клодию в саффической оде 51, быть может, вследствие бывшего между ними разговора о Саффо, уроженке Лесбоса. Выражение Марциала: *Лезбия диктовала тебе, вдохновенный Катулл* – едва ли можно понимать в буквальном смысле, а не в смысле «*вдохновляла тебя!*». В прежнее время критика мало занималась вопросом, кто собственно была Клодия, носившая у Катулла имя Лезбии. Самый блеск ее и образование заставляли в ней предполагать женщину свободную, одну из либертин, в противоположность скромным и домовитым матронам, но в последнее время утвердилось мнение, что Клодия была прелестной младшею сестрой пресловутого народного трибуна П. Клодия Пульхера. Она родилась приблизительно в 95 или 94 г. до Р. Х. и, следовательно, была старше Катулла. Замуж вышла она за своего двоюродного брата, дельного, но несколько грубого К. Метелла Целера, бывшего в 60 году консулом. Будучи несчастна в замужестве, она старалась от него освободиться, чтобы, по словам Плутарха, выйти за Цицерона, который, понося ее в 60-м году, а равно и поносимый ею, заставлял, таким образом, сомневаться в показаниях Плутарха. Когда Метелл в 59 году внезапно скончался, распространился слух, что он был отравлен своею женою. Хотя образованная Клодия интересовалась между прочим и политикой, но более всего славилась своим распущенным поведением, подобно сестре своей, супруге Лукулла. Когда она по смерти мужа переехала на Палатин в дом брата своего Публия, то распространился слух о ее преступной связи с братом, про которую, между прочим, мы знаем из речи Цицерона «За Цэлия» в 56 г. до Р. Х. Но мы уже видели, что Цицерон был ее врагом, а проверить точность его указаний мы не имеем возможности. По его свидетельству, она, в качестве богатой и вполне разнузданной женщины, проживала то на Палатине, то в своих садах на Тибре и в Бае в кругу самом свободном, отличаясь, между прочим, танцами и бросаясь от одной любовной связи к другой. Из этой же речи мы узнаем о ее связи с безнравственным юношей-оратором М. Цэлием Руфом (рожденным около 85 или 87 г. до Р. Х.). Правда, что сам Цицерон, возненавидевший ее позднее, называл ее когда-то за ее блестящие глаза *βοτῆλοσ*, волоокою. Нам известно только, что она жила еще в 49 году. В этой страстной, порочной, но живой, остроумной и в высшей степени грациозной женщине желают признать Лезбию Катулла и действительно многие черты указывают на это тождество. У Лезбии (83, 1) был *муж*, Клодия была супруга Метелла; та и другая своими частыми увлечениями заслужили дурную славу. Замечательно, что в 60 году, когда Катуллу было лет двадцать пять от роду, он был под обаянием Клодии, старшей его летами, что не помешало ей позднее избрать более юного Цэлия Руфа своим любовником, а когда в 59 г. умер Метелл, то (70, 1)

«Милая мне говорит, что ничьей бы не стала женою кроме меня...» —

становится совершенно понятным в применении к Клодии.

Самым лучшим подтверждением тождества Лезбии с Клодией, состоявшей с братом своим Публием Клодием Пульхером в преступной связи, может служить 79, 1:

«Лезбий красив. Ну, так что ж? Он Лезбии нравится боле».

Если Лезбия – Клодия, то, очевидно, Лезбий – псевдоним Клодия, который по игривости Катулла, не чуждающегося игры слов, потому и назван красивым, чтобы указать, что он *pulcher*, т. е. *Pulcher*. Что касается до низкой степени безнравственности, на которой мы у Катулла под конец находим Лезбию, то, с одной стороны, это может быть поэтическое преувеличение, а с другой – такие примеры все чаще и чаще выступали среди римских дам (Мессалина), да и самую Клодию Цицерон недаром обзывал *proterva meretrix* и *amica omnium*.

Наконец страсть Катулла к Лезбии остыла, мало-помалу он, вероятно, и сам пожелал удалиться от римской праздности, а быть может, и отец его побуждал к тому, и он решился предаться служебной карьере, поступивши в свиту провинциального претора. Состоящим в этой свите независимо от содержания предоставлялись случаи и к наживе и даже вымогательствами. Быть может, Катулл сам выбрал местом служения Вифинию, чтобы посетить могилу своего брата. Здесь пропретором был К. Меммий, за которым последовал Катулл в 57 г. до Р. Х. Меммий, будучи политиком и оратором, был в то же время эротическим поэтом, и Лукреций почтил его посвящением своего стихотворения *de rerum natura*: таким образом, понятно и его желание прежде всего посетить Трою. Там, или, лучше сказать, на возвратном пути, Катулл написал свою прекрасную эпитафию к погребенному там брату. Во время своего, быть может, двухлетнего, пребывания в Вифинии, он нимало не отстал от своих товарищей в желании наживы, чтобы вознаградить себя за расходы столичной жизни. Но обманувшись в расчетах, он с восторгом одновременно с своими товарищами в 56 году отправился в обратный путь, хотя все возвращались отдельно (46, 11). В прекрасном 46 ст. он живо описывает радость путешествия. Вернувшись домой морем, поэтически описанным им в 4, он, наконец, достиг до прозрачного озера Бенака (4, 24) и вернулся в свою родную виллу на Сирмионе, которую он радостно приветствует в 31.

Нельзя утвердительно сказать, вернулся ли он домой, не приобретя ничего, или же запасся в Вифинии кораблем с гребцами. С Сирмиона и из Вероны Катулл по свидании с отцом снова вернулся в Рим, где написал (10) характерную картину из тогдашних нравов.

В Риме Катулл, свободный на этот раз от исключительной страсти к Лезбии, мог предаться светской жизни в кругу друзей. Как ни справедлив был впоследствии Гораций, указывая на всемирное владычество и богатство как на причину упадка римских нравов, а Ювенал через 200 лет в своей ненависти к юрким грекам, верность их указаний не в силах изменить исторической цепи причинности. Во время Цицерона и Катулла Рим давно уже закипал греческою образованностью, и на первых порах Рим наук и искусств начинался именно там, где кончалась Греция, т. е. в Александрии. Нравственная разнузданность Лезбии (Клодии) роняет ее в наших глазах и уронила в глазах Катулла, но Вестфаль совершенно справедливо говорит: «Без любви к Лезбии Катулл никогда бы не вышел из круга александрийской поэзии».

Понятно, что по возвращении в Рим Катулл еще теснее прильнул к кружку старых литературных друзей. Рим в то время кипел признанными и непризнанными стихотворцами. Мы уже видели, что серьезные чиновники, преторы и публичные ораторы предавались писанию стихов. Понятно, что для истинных жрецов искусства подобные стихотворцы и их стихи были истинной карой, как это видно из самых произведений Катулла. В настоящее время ограни-

чимся указанием на тех истинных друзей поэта, в кругу которых снова оживилась и отчасти изменилась его муза.

Особенной, можно сказать, восторженной любовью Катулла пользовался К. Лициний Кальв, поэт до того сходный с Катуллом по роду поэзии, что нередко его имя упоминалось в неразрывной связи с именем нашего поэта, как, например, у Горация (Сат. и, 10, 19):

Что за Кальвом одним привычен бренчать да Катуллом.

Далее с К. Гельвием Цинною, эпиграмматическим поэтом (95), продолжалась дружественная связь, возникшая в Вифинии. Поэту Корнифицию посвящено 38; Цэцилию из Комуа 35. Об историке Корнелии Непоте мы говорили выше. Но Катулл был дружен не с одними писателями: в этом направлении всего ярче выступает его нежная дружба к двум друзьям, Веранию и Фабуллу, о которых можно предположить, что они его сверстники – веронцы. Рядом с ними находим мы светских друзей поэта: Камерия (58b и 55), Алфена (30), Септимия (45), которому посвящено это прелестное любовное стихотворение, быть может, совершеннейшее по форме из всего, что написал Катулл. Но в последние годы уже не любовь, а дружба, удовольствия, насмешка и ненависть составляют мотивы стихотворения. Его эпиграммы своею резкостью и бесцеремонностью (чтобы не сказать цинизмом) снова сближают его для нас с Пушкиным. Оба словно подслушали выражение Вольтера: «*il ne s'agit pas de le rendre ridicule, il s'agit de le déshonorer*» и, стараясь замарать своего врага, они преднамеренно окунали перо в грязь. Полемику Катулла против Цезаря Вестфаль объясняет тем, что в Вероне Катулл любил Амеану, но она предпочла ему одного из военачальников Цезаря Мамурру (41, 43. 29, 7): отсюда ненависть Катулла сначала против Мамурры, а потом уже и против самого Цезаря. Другие же полагают, что Катулл уже в Вифинии стал вдаваться в политические интересы, а позднее еще заразился ими от друга своего оратора Кальва, который был противником Цезаря и его приближенных. Едкое стихотворение 29, написанное в конце 55 года, сильно затронуло Цезаря, не столько как голос оппозиции, для Катулла мало привлекательной, сколько как личность; и вот ловкий и прозорливый полководец, уже сумевший примириться с Кальвом, успел в том же году, после очевидного упорства (54?) и (93) со стороны Катулла, примириться и с последним. Весьма вероятно, что сближение произошло в Вероне, при содействии Катуллового отца, состоявшего, как мы уже видели, с Цезарем в дружеских отношениях. Дело в том, что вскоре после того Катулл написал 11-е стих., в котором он как бы видит себя сопровождающим Цезаря в походах и изумленным его подвигами. Быть может, что ввиду новой блестящей служебной карьеры, к радости отца открывшейся пред поэтом, Лезбия решилась на свою неудачную попытку нового примирения с Катуллом, но всему этому преждевременная смерть поэта положила предел. Катулл умер в 54 г. до Р. Х., и многие в 38 видят стихотворение, написанное им во время предсмертной болезни. Приводим:

Краткий обзор хронологически верных указаний:

Год рождения 87 или 84.

Вскорости за семнадцатым годом от рождения (70 или 65): смерть брата, затем 68a, 65, 66. Вскорости за 68a, 68b и 68c.

Лезбия замужем (8и, и), следовательно, если Лезбия – Клодия, муж которой умер в 59 году, и стихотворение 83 написано не позднее этого года. (Сличи также 77. К Руфу).

Меммий, пропретор Вифинии (57–56). К этому времени – 101. 46.

Возвращение 56 или 53 года: сюда 31. 4. 10. 28. 47.

Процесс Ватиния 56 или 54 года: 53. (Сравни 14. 3).

Известные события 55 года: 113. 55. 29. 11. 45.

Вот то небольшое, что мы считали необходимым сказать читателю, желающему вступить в небольшую, но чрезвычайно разнообразную картинную галерею Катулла), где в хаотическом беспорядке рядом со сравнительно большими оригинальными картинами красуются летучие силуэты в две строчки. Без вручаемого нашим предисловием более или менее последовательного каталога, и самые подстрочные объяснения не могли бы ему помочь ни в ясном понимании текста, ни в художественном наслаждении. Если книжку всякого истинного лирика можно сравнить с кладбищем когда-то живых и даже жгучих внутренних событий, то у Катулла, писавшего прямо под впечатлением минуты, мертвецы лежат не перегоревшие до неузнаваемости в огне вдохновения, а в том самом виде и наряде, в каком они являлись перед его творческим воображением. Конечно, не проживи Катулл своего короткого века Катуллом, не было бы и его книжки. Не зная мы его жизни с ее обстановкой, мы не поняли бы и его книжки; но мы слишком хорошо знаем, что связь между житейским (эмпирическим) характером человека и его умственной деятельностью далеко не та, что между эмпирическим характером и эмпирическими действиями, и часто бывает совершенно обратная. Так, например, нелюбимый ипохондрик Гоголь не перестает хохотать в своих произведениях. Вот почему мы не желаем вступать в полемику с теми, которые указывают на злобные выходки Катулла против Амеаны, которую он когда-то любил, на его злобу против людей, с которыми он некогда был дружен, на алчность к наживе, высказанную по поводу воинской службы, на крутой поворот к похвалам Цезаря, которого до примирения он так язвил. Если, несмотря на эти недостатки, читатель, подобно нам, не признает в молодом и еще нравственно не окрепнувшем Катулле живого и милого юноши, то, при известном художественном чутье, он тем не менее не может не узнать в Катулле одного из замечательнейших лирических поэтов, не только между римскими, но и между лириками всех веков и народностей.

Переводчик

1. К Корнелию Непоту²

Кому лошеную под пемзу суждено
Мне книжку новую в красивой дать отделке?³
Корнелий, ты прими: ведь ты уже давно
Хотя во что-нибудь ценил мои безделки
5. Тогда уж,⁴ как впервой средь италийцев ты
В трех книгах описал, что исстари велось;
Ученые, клянусь Юпитером! листы.
Поэтому прими, чтоб в книжке ни нашлось
Какого ни на есть, я ж буду муз молить,⁵
10. Чтоб больше одного ей веку пережить.

---

² Катулл посвящает свои безделки своему доброприятелю и земляку, историку Корнелию Непоту.

³ Слово уменьшительное «книжка» (*libellum*) преимущественно относилось к собраниям стихотворений, меньшим по объему против других сочинений, носящим название «книга» (*liber*). Если не допускать, что все сочинения поднесены были в 54 году, то книжка безделок должна была составлять лишь часть личных стихотворений поэта; книжка обзывается новой по случаю красивой отделки и сглаживания концов свертка пмезою у книгопродавца.

⁴ Еще в то время, когда, в подражание греческим хроникам, сам Непот решил впервые на латинском языке в трех книгах написать историю, начиная с мифических времен.

⁵ В интересах русского читателя мы (*patrona virgo*), под которой одни подразумевают Минерву, а другие Музу, перевели в последнем смысле.

2. К воробью Лезбии⁶

О вор обеих ты моей восхитительной девы,
Прячет тебя на груди и с тобою играет,
И тебя она тонким перстом раздраживши,
Острым твоим укушеньям его подставляет,
5. Как ей, отраде моей, красотой блестящей,
Я и не знаю уж чем позабавиться мило,
Чтобы в тоске находить для себя развлечение,
(Думаю, чтобы горячая страсть в ней остыла).
Если бы мог, как она, поиграть я с тобою,
10. Верю, с души бы свалилось раздумье больное!

.....
Было б отрадно мне, как по преданию, быстрой
Девушке яблоко было на вид золотое,
Что наконец разрешило заветный ей пояс.⁷

---

⁶ Томимый любовно, Катулл под прозрачной дымкой поэзии выражает свое стремление к Лезбии, которая, быть может, в свою очередь нуждалась в выражении ее любви к Катуллу. Не помним, кто чрезвычайно метко сказал, что градус кипения взаимной любви совпадает с моментом признания. До этого момента склонность только представляет благоприятную почву, но названная, она уже настоящая любовь. Наше стихотворение мастерски переносит нас на самую ближайшую к кипению точку. В качестве птицы Афродиты был любимец римских дам и слово воробей (*passer*), воробушек, было ласкательным, как у нас голубчик.

⁷ Мы вполне согласны с теми, которые три этих стиха считают отрывком погибшего стихотворения, до такой степени они различны от предшествующего и по тону и по содержанию. Там непосредственная страсть и величайшее мастерство высказать то, чего по обстоятельствам еще назвать нельзя, а здесь холодное щегольство изящным мифологическим образом. Девушка, приводимая здесь в пример, дочь скиросского царя Схенея. 2. Песнь Илиады Гнедича 497. *Схен населявших*, единственное место, указывающее на это имя, хотя без связи со Схенеем. Аталанта, отличавшаяся красотой и силой и догонявшая оленей на бегу, вероятно была предубеждена оракулом против брака и потому ставила женихам условием своей руки победить ее в беге, а побежденных убивала копьем. Когда влюбленный Гиппомен шел на состязание, то просил помощи у Венеры, которая дала ему три золотых яблока. Чувствуя, что Аталанта его нагоняет, он каждый раз бросал яблоко и остался победителем, но влюбленные забыли принести Венере благодарственную жертву, и она принудила их в страстном порыве осквернить рощу Цибелы; за что гневная богиня превратила обоих во львов и запрягла в свою колесницу.

3. Плач о смерти воробья⁸

Плачьте теперь, о Венеры, и вы, Купидоны,⁹
И насколько вас есть все изящные люди!
Вот воробей моей девушки ныне скончался,
Тот воробей моей милой, которого пуще
5. Собственных глаз она, бывало, любила;
Ибо он сладостен был и знал он не хуже
Собственную госпожу, чем девочка мать,
И никогда он с ее колен бывало не сходит,
А в припрыжку туда и сюда поскакавши,
10. Он к одной госпоже, пища, обращался.
Вот теперь и пошел он по мрачной дорожке
Той, откуда никто, говорят, не вернется.
Будьте же прокляты вы, ненавистные мраки
Орка¹⁰ за то, что глотаете все вы, что мило:
15. Вы у меня¹¹ воробья столь прелестного взяли.
О несчастье! О воробей мой бедняжка,
Ты виноват, что глаза от сильного плача
Вспухнув, у девы моей теперь краснеют.

---

⁸ Это выдержанное прелестное стихотворение Марциал прямо называет воробьем. Оно уже в древности породило много подражаний и поныне этот воробей представляет как бы эмблему Катулла.

⁹ Еще у древних (Эврипида) мы встречаем Эротов и Купидонов во множественном числе: их было три. Равным образом и Венера употреблена во множественном числе, тем более, что по-латыни *venis* значит просто грация, изящество; так 86, 6 *omnes surripit veneres* мы прямо переводим: «Грацию тоже она разом у всех забрала».

¹⁰ Орк то является царем подземного Мира, то самым этим миром. Здесь он царь.

¹¹ Слово *у меня* показывает уже на окончательную близость счастливого поэта к своей возлюбленной.

4. К галере¹²

Галера эта, видите ль, вы, странники,
Была, как говорит, быстрейшим кораблем,¹³
И ни один из бойких в море ходоков
Не мог ее опередить, на веслах ли
5. Пришлось идти, или лететь на парусах.
И говорит она, что это подтвердят
Опасный берег Адрия и острова
Циклад, гордец Родос, Фракия мрачная
И Пропонтида и с заливом страшным Понт,
10. Где, ставшая галерой, некогда была
Косматым лесом: на Циторском там хребте
Звучал волос ее речистых часто свист¹⁴
Амастр понтийский и носящий букс Цитор¹⁵
Вам, говорит галера, это было все
15. Известно: из стари из самой, говорит,
Она стояла на вершине; там твоей,
Смочила весла на твоих она зыбях
И уж оттуда по широким всем морям
Несла владельца, вправо ли иль влево звал
20. Встающий ветер, или разом задувал
Юпитер благосклонный в два конца ветрил;¹⁶
И не дала обетов никаких она¹⁷
Богам прибрежным, с самых отдаленных вод
Морских до озера прозрачного дойдя.
25. Но это все минуло; ныне в тишине
Она приюта старясь, предается вам,
Близнец ты, Кастор, и ты, Кастора близнец.

---

¹² Благополучно вернувшись в 56 или 55 году из Вифинии, Катулл посвящает у Гардского озера диоскурам ст. 27, не галеру, на которой совершил путешествие, так как она не могла по узости рек и каналов пройти туда с моря, а только ее снимок. Катулл, как видно, сел на свой корабль еще в Амастре, следовательно, дальше Вифинии.

¹³ Катулл все здесь повествуемое представляет рассказом самой галеры.

¹⁴ Речистый волос *loquente coma* – выражение слишком изысканное, вместо говорливые вершины.

¹⁵ *Амастр* на Пафлагонском берегу, в области которого находилась и гора Цитор, славился буксовыми лесами.

¹⁶ Надеясь на свою устойчивость, не боялась бурь.

¹⁷ Созвездие Кастора и Поллукса, братьев Елены, особенно чтилось мореходами.

5. К Лезбии¹⁸

Жить и любить давай, о Лезбия, со мной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой
За все их не дадим одной монеты медной,
Пускай восходит день и меркнет тенью бледной:
5. Для нас, как краткий день зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.
Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новых сот опять.
10. Когда же много их придется насчитать,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.

---

¹⁸ Песня вместе с 3 и особенно 7 принадлежит ко времени торжества любви. В такие минуты полного счастья нельзя ожидать от поэта ничего, кроме эпикуризма. Вот почему: 5, словами *brevis lux*, краткий свет он хочет сказать: по окончании краткой жизни успею налегаться в земле, а теперь целуй меня.

6. К Флавию¹⁹

Флавий, о милой своей ты Катуллу,
Будь она только красивой, пристойной,
Все рассказал бы, не справясь с молчаньем.
Только не знаю, с какой недостойной
Там ты связался; признаться и стыдно.
Что не вдовой твоя ночь-то угасла,
Это с постели гласит нам немолчно
Запах венков и сирийского масла,²⁰
Да изголовье; оно ведь измято
10. Тут вот и там, и кровать твоя еле
Держится, так она вся расшаталась.
Если слова их не верны, то в теле
Дряблость и шаткие ноги все скажут,
Что по ночам у тебя за затеи.
15. Ты что ни есть, хорошо или худо,
Все мне скажи; я вас с милой твоею
Стройною песнью прославлю до неба.

---

¹⁹ Стихотворение это обращается к незнакомому нам приятелю Катулла, Флавию, живущему с ним в одном доме, и по содержанию сходно с Горациевой 1 од. 27.

²⁰ Сирия нередко у поэтов смешивалась с Ассирией.

7. К Лезбии²¹

С меня ты требуешь, о Лезбия, признаний,
Как много мне твоих достаточно лобзаний?
Как велико число либшских всех песчин,
Лежащих близ цветов Кирен²² среди равнин,
5. Между оракула Зевесова жилищем
И Батта древнего почёющим кладбищем;²³
Иль сколько с неба звезд средь тишины ночей
Взирают на любовь таящихся людей,
Лобзаний столько же горящему недужно
10. Насытиться вполне еще Катуллу нужно,
Чтоб любопытный их не сосчитал какой,²⁴
И порчи не наслал на них язык дурной.

---

²¹ Стихотворение это в период блаженства любви, по мнению Вестфаля, отвечает на вопрос Лезбии, с которым она обратилась к поэту при прочтении стих. 5. Замечательно, что и в такие задушевные минуты поэт не забывает ученой приправы Каллимаховской поэзии, хотя относится к ней с известной иронией.

²² Кирены – столица Киринейской области.

²³ В пустыне между Киренами и оракулом Юпитера Аммона на оазисе Сива. *Древний батт*, основатель Кирена, около 650 г. до Р. Х., предок Каллимаха. Могила его близ городской агоры пользовалась большим почетом.

²⁴ Многие до сих пор полагают, что весьма вредно считать цветы или плоды, так как они от этого пропадают.

8. К самому себе²⁵

Бедняк Катулл, не будь ты более шутом,
Коль видишь, что прошло, считай оно пропало.
Светило солнышко тебе живым лучом,
Когда ты хаживал, как дева указала,
5. Любимая тобой тогда как ни одна.
Какие игры тут бывали между вами;
Ты их желал, от них не прочь была она.
Живило солнышко и впрямь тебя лучами.
Не хочет уж она, ты тоже не хоти,
10. За убегающим ты не гонись, будь гордым,
Душою тверд сноси, волненья укроти.
Прощай же дева, ты. Уже Катулл стал твердым.²⁶
Не станет он тебя отыскивать, молить;
Как не пойдет никто, так станешь ты унылой
15. Преступная, увы! Придется тяжело жить!
Кто за тобой пойдет? Кому казаться милой?
Кого тебе любить? Кому назвать своей?
Кого поцеловать? Кого куснуть больней?
А ты, Катулл, терпи с незыблемою силой.

---

²⁵ Настоящее стихотворение, подобно 46, 51, 52, 76, 79, представляет по форме монолог Катулла к самому себе, тогда как в других местах он говорит о себе в третьем лице. Поводом к нему, очевидно, была размолвка в период самой горячей привязанности, и выражаемое чувство отчуждения тем живей, что вызвано не изменой, о которой тут и речи нет, а той горькой обидой влюбленного, полагающего, что преданность его не оценена.

²⁶ Это *прощай* настолько же преувеличено, насколько 15 преувеличено слово *преступная*. Все дальнейшее застрашивание Лезбии исполнено тайной уверенности в ее непоколебимой преданности Катуллу, причем ему и в голову не приходит, чтобы она могла утешиться с другим.

9. К Веринию²⁷

Ты, что́ из всех моих приятелей, поверь,
Вериний, в тысячу милей мне раз и боле,
К пенатам ты своим вернулся ли теперь,
К старушке-матери и к братьям жить на воле?
5. Вернулся. Эта весть восторги мне несет!
Увижу, что ты цел, рассказы слушать стану
Про жизнь в Гиберии, про те места, народ²⁸
Как-то обычай твой; прильну и не отстану
Тебя я целовать, начав с твоих очей.
10. О, сколько вас ни есть счастливейших людей,
Кто радостней меня найдется и блаженней?

---

²⁷ Приветствие по случаю известия о возвращении из Испании одного из самых близких друзей нашего поэта. О близости Катулла к Веранию и Фабуллу мы уже говорили в предисловии и можем указать на 12 и 14. Не вдаваясь в мало для нас существенный и спорный вопрос о проконсуле, при котором оба друга поэта состояли в Испании на службе, заметим мимоходом, что имя Вераний в надписях постоянно, а в веронском списке большею частью встречается с одним – н-.

²⁸ Испания со времени Луцилия получила в поэзии название Гиберии.

10. О возлюбленной Вара²⁹

Мой Вар, чтоб показать мне милую, завидя³⁰
На рынке праздного, с собой меня увел.
Гулящая она, я увидел мгновенно,
Но недурной ее и ловкой я нашел.
5. Когда мы к ней пришли, то завязались речи
У нас различные и между тем вопрос
И о Вифинии, как ей теперь живет³¹
И много ль у меня там денег завелось?
Как было, я сказал: что поживиться нечем,
10. Ни преторам самим, ни кто при них делец,
Что разжирев никто оттуда не вернется,
Затем, что претор сам отъявленный подлец
И на волос один не ценит приближенных.
«Но верно же, – они воскликнули, – достать
15. Ты не забыл того, что, говорят, в тех нравах:
К носилкам хоть людей».³² Я, чтоб ловчей предстать
Пред девою одним из нисколько богатых,
«Не так уж, говорю, я жался в этот раз,
Чтоб, как бы ни было в провинции там плохо,
20. Восьми я человек в носилки не припас».
А у меня ни там, ни сям их не бывало
Ни одного, чтобы обломки хоть таскать
Моей кровати, их на шею наваливши.
Она же, как такой отъявленной под стать:
25. «Ты одолжи, – кричит, – Катулл, мне их на время;
Я кстати им велю меня в Серапис снести».³³ —
«Постой-ка», – говорю на это я девице:
«В том, будто у меня, сейчас сказал я, есть,
Так в этом сбился я. Нет, это мой любезный
Товарищ Цинна Гай³⁴ себе там приобрел.
Его или мое, какое, впрочем, дело?
Я ими пользуюсь, как бы их сам завел».

---

²⁹ Простодушный, но весьма характерный пересказ случайного разговора, происшедшего у Катулла в скорости по возвращении из Вифинии (55–56 гг.) со знакомым Варом и его возлюбленной, причем все дело сводится на досаду, что молодому Катуллу не удалось похвастаться своим достатком.

³⁰ Вар, к которому обращается и (22) весьма может быть Квинтий Вар из Кремоны и, следовательно, земляк Катулла, который, умерши в 24 г. до Р. Х., был в свое время другом Горация и Вергилия. Смерть этого поэта и критика Гораций воспекает в 1 од. 24 и о котором, как о замечательном критике упоминает в II к призомам 438.

³¹ Вифиния с 74 г. до Р. Х. по смерти Никомеда III превратилась в римскую провинцию, а наивное, как ей теперь живет³¹, в устах тогдашнего римлянина значило: легко ли там наживать деньги.

³² *Natum* как бы указывает на то, что носилки – вифинское изобретение, но это должно понимать в том смысле, как говорит Цицерон, что в вифинских нравах было держать носилки с восемью носильщиками.

³³ Святилище египетского Сераписа стояло неизвестно где за городскими стенами Рима и, подобно храму Изиды, охотно посещалось римским полусветом.

³⁴ Гай Гелвий Цинна, творец Смирны (95), был вифинский приятель и спутник Катулла. Перестановка имени после фамилии встречается и у Горация в Пос. к пизон. 371 с *Касцеллием Авлом*.

Но ты, как ты груба, какая непропека,³⁵
Что при себе другим забыться ты не дашь.

---

³⁵ Катулл очень любит слово *insulsus* – несоленый, глупый, тупой; в настоящем месте мы решили его перевести русским словом непропека.

11. К Фурию и Аврелию³⁶

Фурий с Аврелием, вы за Катуллом,
Хоть бы увлек он вас к индам с собою,
Где вдоль восточного берега звонкой
Плещет волною,
5. Хоть до гирканов³⁷ иль нежных арабов,
Или до парфов, где стрелы – их сила,
Или до мест, где окрашено море
Устьями Нила;
Хоть бы он шел за высокие Альпы,
10. Цезаря видя на подвигах хвальных,
К Рейну ли галлов иль к морю британцев
Грозных и дальних.
Весь этот труд, и что боги судили
Мне, вы готовы стерпеть, подвижные,³⁸
15. Только моей передайте вы деве
Речи плохие.
Средь волокит пусть живя на здоровье
Триста она их за раз обнимает,
Хоть ни один ей не мил, а развратом
20. Всех надрывает;
Прежней любви ей моей не дождаться,
Той, что убита ее же недугом,
Словно цветок на окраине поля³⁹
Срезанный плугом.

---

³⁶ Это стихотворение, как мы заметили в примечании, написано в 55 или 54 г. до Р. Х. уже после примирения Катулла с Цезарем, по поводу бестактной попытки Лезбии к новому сближению. Нельзя достаточно надивиться художественной постройке этого стихотворения. В этом отношении с древними спорить невозможно; чего тут нет? Начинается оно с примесью александрийской учености в торжественном тоне, которому подражает и Гораций 2 од. 6 и Проперций I. 6. Этот тон дает возможность поэту указать на необъятную ширь римского военного поприща, так как в конце 55 года Красс отправился в свой неудачный поход против парфов, А. Габиний в том же году посадил на Ниле Птолемея Авлета на престол, Цезарь в том же году перешел через Рейн и осенью в первый раз вступил в Британию (полубаснословные инды часто красуются у римских поэтов, как поэтическое преувеличение).

³⁷ *Гирканы* – по соседству с парфянами на южном берегу Каспийского моря; *нежными* – обзывает поэт жителей счастливой Аравии, вследствие богатства их страны, славившейся благовониями. Габиний покорил их на походе из Сирии. В торжественном перечислении различных направлений просвечивает надежда поэта получить важное назначение в том или другом, и является удобный случай заглазить прежние нападки лестным для Цезаря стихом.

³⁸ Как бы готовясь к походу, поэт поручает двум своим клиентам ответить Лезбии на ее вопрос. Но, иронически относясь к недостойной женщине, он поверенными избирает именно таких клиентов, которых сам же постоянно преследует своими насмешками, именно Аврелия и Фурия, зная, что если они и не отстанут от него, то первый как обжора, а второй как попрошайка (23, 24, 26).

³⁹ Цветок на крайней меже, подрезанный плугом соседа. Этому прелестному сравнению подражает Вергилий, Энеид. IX, 433.

12. К Азинию⁴⁰

Азиний Марруцин, ты с левой-то руки⁴¹
Творишь недоброе среди вина и смеха,
Ты у рассеянных их крадешь ручники.
Ужель ты думаешь, остра твоя потеха?
5. Глупец, не видишь ты, как подло так хватать.
Ты не согласишься мне? Поверь хоть Поллиону
Ты, брату своему. Талант бы рад отдать⁴²
За кражу он твою. По избранному тону
Он малый знающий, в приличиях обвык.
10. Поэтому стихов жди в триста злобный ворох,
Иль возврати ты мне немедленно ручник;
Не по цене своей, конечно, он мне дорог,
Но он сэтабского, иберского белья,⁴³
И для меня оно полно воспоминаний,
15. Отстать от ручника теперь не в силах я;
Прислал его Фабулл в подарок и Вераний,⁴⁴
И как Вераний мне он дорог и Фабулл.

---

⁴⁰ Поэт просит Азиния возвратить ему украденный ручник или платок, который дорог ему по воспоминанию.

⁴¹ *Азинии* были родом из сабелльского округа марруцинов, но, быть может, Катулл преднамеренно обзывает его Марруцином, чтобы указать на его мужицкие замашки в противоположность к образованному и воспитанному брату Азиния Поллиону.

⁴² Греческое наименование суммы выбрано по неимению в Риме общего названия такой большой суммы.

⁴³ *Сэтабские* ручники были из Сэтаба в теперешней Валенции.

⁴⁴ См. (9).

13. К Фабуллу⁴⁵

Фабулл, ты у меня откушаешь отлично
На днях, была б богов охрана над тобой,
Коль ужин принесешь хороший, как прилично,
И деву пригласишь прелестную с собой;
5. Прибавь еще к вину и соль⁴⁶ и смех забавный.
Как с этим всем придешь, вот будет мне с руки,
Отличный будет пир; ведь у Катулла явно
В кармане водятся одни лишь пауки.⁴⁷
Амуром чистым я на все дары отвечу,⁴⁸
10. Что может быть еще изящней и нежней:
Елеем я тебя, у девы взятым, встречу,
Венеры это дар и Купидонов ей,
Когда понюхаешь, богам начнешь молиться,
Чтоб в нос тебе, Фабулл, всецело превратиться.

---

⁴⁵ Шуточное приглашение друга Фабулла (смот. 9 и 12) на ужин. Стихотворение это (по мнению Швабе) написано уже по возвращении Фабулла из Испании. Оно, вероятно, шуточный ответ на вопрос Фабулла, когда ему прийти ужинать. Поэт требует, чтобы его приятель принес все необходимое для хорошего пира.

⁴⁶ Не забывая и соли остроумия.

⁴⁷ Паутина признак пустоты и заброшенности (Одиссея 13, 34): Одиссеево ж ложе пустое в спальне стоит одиноко, покрытое злой паутиной.

⁴⁸ Поэт обещает отдарить друга благоуханным елеем, полученным из уборной прелестной женщины. Самый елей он называет Амуром.

14а. К Лицинию Кальву⁴⁹

Когда бы пуще глаз своих я не любил
Тебя, отраднй Кальв, за этот дар твой верно
Ватинианской бы я злобою вспылл:⁵⁰
Что сделал я, или что молвил беспримерно,
5. Что мне на гибель тут поэтов ты набрал?
Клиента твоего пусть бог карает злобный,
Что столько сволочи за раз тебе наслал.
Подозреваю я, что с выдумкой подобной
Те новости тебе писатель Сулла шлет;⁵¹
10. Не худо, я скажу, а хорошо и сладко,
Что все труды твои и сам он признает.
О боги, страшная, проклятая тетрадка!
Катуллу своему ты все, приятель мой,
Прислал, чтоб целые он протомился сутки,
Да в Сатурналии, в отраднй день такой.
Нет, нет, я не спущу тебе подобной шутки:
А в лавки книжные, едва начнет светать,
Я брошусь Цезиев, Аквинов постараюсь,⁵²
Суффена самого, весь этот яд собрать,⁵³
20. И пытку такой с тобой я рассчитаюсь.
А вам скажу прости, бегите, чада зла,
Туда, откуда вас нелегкая несла,
Вы, современный бич, сквернейшие поэты!

---

⁴⁹ Стихотворение это, вероятно, написано в 56 или 54 году до Р. Х. в день праздника Сатурналий (XIV. Кал. Ян.), по случаю шуточного подарка со стороны друга нашего поэта, даровитого оратора и поэта К. Лициния Мацера Кальва (к которому написаны 50 и 96 и упоминается 53). Подарок состоял в собрании стихов плохих стихотворцев, на каковой подарок Катулл угрожает отвечать тем же.

⁵⁰ Лициний в качестве оратора обвинял претора П. Ватиния в насилиях и злоупотреблениях. Трудно определить, про чью злобу тут говорится, про ненависть ли Лициния и Катулла к преступному Ватинию, или же про злобу последнего к своему обвинителю, хотя последнее вероятнее.

⁵¹ «Есть люди (говорит Светоний), которые различают поэта от писателя (a litteratore), как греки – грамматика от грамотея». Такой незлобивый и неизвестный литератор как Сулла, мог придумать угодить Лицинию собранием новых стихотворений, пошлости которых он и не разобрал.

⁵² Стихоплетов, подобных Цезию и Аквину.

⁵³ Про Суффена говорится в 22.

14 в. Отрывок⁵⁴

Если кто моих безделок
Став читателем, бесстрашно
На меня возложит руки,
.....

---

⁵⁴ Отрывок этот очевидно от стихотворного предисловия к новому собранию стихотворений, быть может, начинавшемуся с 16-го.

16. К Аврелию и Фурию⁵⁵

В лицо всех пакостей наделаю я вам,
Аврелий мерзостный и с Фурием постыдным.
Которые меня, судя лишь по стихам
Моим изнеженным, считаете бесстыдным.
5. Поэту чистоту хранить своей души
Прилично, но стихам не нужно то нимало,
Которые тогда остры и хороши,
Когда отчасти в них распущенность нахала;
И если щекотят, пусть будут раздражать,
10. Я не скажу ребят, а взрослых без желаний,
Которые себя не в силах взволновать;
А вы, читая в них про тысячи лобзаний,
Уж полагаете, что я негодник сам;
В лицо всех пакостей наделаю я вам.

---

⁵⁵ Фурий и Аврелий (смот. 11, 14) называли стихотворения Катулла изнеженными, а его самого бесстыдным. Когда это дошло до ушей поэта, он беззастенчиво накинулся на них, стараясь доказать разницу между характером поэта как человека и как художника.

17. К Колонии⁵⁶

О Колония, ты поиграть на мосту бы желала⁵⁷
Длинном и поплясать бы готова, но только боишься
Свай мостишки плохих, стоящих на дряхлых подпорках,
Чтоб кувырком-то он весь в глубину не свалился болота;
5. Пусть по желаньям своим дождешься хорошего моста,
По которому можно салийскую праздновать пляску,⁵⁸
Только великим утешь ты меня, Колония,⁵⁹ смехом;
Некоего из моих сограждан хочу с твоего я
Моста в грязь сноровить через голову кверху ногами,
10. Да и туда, где в озере целом и в тухлом болоте
Плесенью все зацвело и самая пропасть пучины.
Несоленейший он человек и не более смыслит⁶⁰
Мальчика только двух лет, что спит, отцом убаюкан.
Ведь жена у него в едва наступившем расцвете
15. И избалованней всякого нежного даже козленка:
Надо за ней приглядеть, как за гроздом самым чернейшим;⁶¹
Он же дает ей играть, как хочет, и думать забыл он,
Сам не подыметя с места, а словно ольха, что подсекли
Лигурийской секирой, лежит, завалившись в канаве,
20. И настолько в ней чувств, как будто ее не бывало.
Так и мой-то болван, ничего он не видит, не слышит,
Кто он сам-то, и есть или нет, и того он не знает.
Вот его-то хочу с твоего я моста низвергнуть,
Может быть, это бы вдруг потрясло тупую в нем спячку
25. И в густой он грязи свою бы оставил сонливость,
Как подкову железную в липком болоте ослица.

---

⁵⁶ Принимая слово Колония за имя собственное, можно предположить, что это нынешний городок Колонья недалеко от Вероны. Капризная и забавная шутка по поводу хорошенькой жены провинциального горожанина.

⁵⁷ Конечно, жители Колонии были бы не прочь повеселиться и в праздники при жертвоприношениях, даже поплясать на длинном и прочном мосту, тогда как у них только дрянной мостишка, могущий при подобных веселостях свалиться в глубину болота.

⁵⁸ Жрецы Марса, салийцы, первого марта исполняли характерную пляску в честь своего божества. Катулл только желает гражданам моста такого прочного, что на нем могли бы плясать и салийцы, о которых вне Рима не может быть и речи.

⁵⁹ За такое благожелание со своей стороны Катулл выражает Колонии свое, именно: столкнуть с моста в болото беспечного мужа молодой красавицы.

⁶⁰ Помня, как в былое время на охоте раздавался в лесу голос нашего товарища, обращавшийся к охотнику Литвину: «Макаренко, дурак несоленый!» Мы решили *insulsissimus est homo* перевести словом *несоленейший*, которое, по нашему мнению, здесь вполне равносильно латинскому.

⁶¹ Гроздь самый черный – самый сладкий, а потому соблазнительный.

22.⁶² К Вару⁶³

Суффен вот этот, Вар, знакомый твой обычный⁶⁴
Приятный человек, речистый и приличный,
А между тем стихи писать он полюбил,
Их тысяч десять он иль больше настрочил,
5. По-моему; не так, как часто на швырковых
Подчистках: дивная бумага в книгах новых,⁶⁵
Тут скалки новые, застежки, верх горит,
Все разлиновано, под пемзу все блестит.
Когда ж начнешь читать, то с светским тонким строем
10. Суффена копачом сочтешь иль козодоем,
Насколько он другой и изменился так.
Что ж это, почему? Отъявленный остряк
Натертый человек по светскости сугубой,
Он деревенщины грубее всякой грубой,
15. Когда начнет писать; и больше счастья он
Не знает, чем когда в писанье углублен:
Так восхищается и так себе дивится.
Мы слабы этим все; и редко где случится
Такого повстречать, что не признаешь в нем
20. Суффена. Собственным отмечен всяк грехом.
Не видим мы мешка, что носим за спиною.⁶⁶

---

⁶² От 18–20 пропущены в тексте Ризе, которого мы держались, как вставки псевдовиргилиевых стихотворений, а 21 мы обошли, подобно некоторым другим, на объясненных в предисловии основаниях.

⁶³ О Вару смот. 10, 1.

⁶⁴ Неизвестный нам Суффен в качестве плохого стихотворца упоминается в 14, 19.

⁶⁵ Подчистками мы перевели *in palimpsestos*, во избежание иностранного слова, так как палимпсест есть пергамент, с которого счищены прежние письма и начертаны новые.

⁶⁶ Половины перекидного мешка, находящегося у нас за спиной.

23. К Фурию⁶⁷

Ты, Фурий, у тебя ни скрипи, ни раба,
Клопа иль паука, иль уголька не видно,⁶⁸
Отца и мачеху дала тебе судьба
Таких, что камни грызть зубам их безобидно;
5. И хорошо тебе с родителем твоим
Да и с родительской супругой деревянной.
Не мудрено: дано здоровье вам троим,
Варит с исправностью желудок постоянный.
Землетрясение, пожар вам не во вред,
10. Ни кражи дерзкие, ни яды, ни тревога,
И никаких иных вы не боитесь бед,
А самые тела гораздо суше рога,
И может быть могли вас больше иссушить
И солнце, и мороз, и сила голодания.
15. Ну как тебе легко и весело не жить?
Нет поту у тебя и слюны нет излишня,
Мокроты вовсе нет, и нечем лить носам.
К такой опрятности опрятность поневоле;
Солонки чище то, на чем сидишь ты сам,
20. Ты очищаешься в год десять раз не боле,
И твердым словно боб или какой гольши,
Хоть перетри в руках все это равномерно,
Ты даже пальчика себе не загрязнишь.
Таких больших удобств, ты, Фурий, лицемерно
Не презирай; нельзя безделкой их считать,
И сотни нечего сестерций вымогать⁶⁹
Как ты привык, – и так ты обеспечен верно.

---

⁶⁷ О Фурии смот. 11, 14. Этот попрошайка уже давно (смот. 26) приставал к Катуллу, прося дать взаймы, а, быть может, и подарить сто тысяч сестерций, и, ссылаясь на свою бедность, описывал ее в самых резких чертах. Когда Фурий не остановился перед игривым отказом Катулла (26), ссылавшегося на собственное безденежье, поэт бесцеремонно отделал его в настоящем стихотворении, изобразив бедность Фурия в преувеличенном и смешном виде.

⁶⁸ У Фурия, зиму и лето проводящего на улице под открытым небом, не может быть ни клопов, ни пауков, ни очага.

⁶⁹ Под сотней сестерций у римлян подразумевалось сто тысяч сестерций, по-нашему около шести тысяч рублей.

24. К Ювенцию⁷⁰

О ты, Ювенциев отборнейший цветок!
Не только нынешних, но всех былых украса,
Иль тех, что в будущих годах готовит рок,
Я б предпочел, чтоб ты богатства сдал Мидаса⁷¹
5. Тому, у коего ни скрини, ни раба,⁷²
Чем то, что перед ним душа твоя слаба.
Как! восклицаешь ты, ужель он не любезен?
Но у любезного ни скрини, ни раба.
Полезен ли тебе совет иль бесполезен,
10. А все же у него ни скрини, ни раба.⁷³

---

⁷⁰ Знатный род Ювенциев вышел около 380 года до Р. Х. из Тускулума, и упоминаемый здесь Ювенций был без сомнения, в свою очередь богатый и утонченный молодой человек.

⁷¹ Фригийский царь Мидас своим прикосновением все превращал в золото.

⁷² Все тому же нищему, но, по-видимому, изящно-вкрадчивому Фурию.

⁷³ Поэт очевидно играет стихом, которым очерчивается характернейшая сторона Фурия.

25. К Фаллу⁷⁴

Распутный Фалл, нежней ты кроликов пушка,⁷⁵
Или гусяного, иль мякоти ушка,
Иль песни, что паук заткал фатой троякой.
Но все ты, Фалл, жадней хватаешь бури всякой
5. В тот час, как банщики зевают при луне,
Накидку, что украл, мою отдай ты мне
Сэтабский мой ручник и тинские узоры,⁷⁶
Ризе ставит:

Cum luna balnearious ostendit oscitantes согласно чему мы и перевели этот стих в том смысле, что пока усталые банщики зевают при луне, Фалл крадет вещи у купающихся. Но зная, что римляне по заходе солнца уже садились за ужин, а мыться после пищи считалось не только вредным, но даже предосудительным, оставляем такое чтение стиха на ответственности Ризе.

Гейзе вместо *balnearious* ставит *mulierarious*, т. е. охотников до женщин, с чем скорее можно согласиться. Согласных с таким чтением мы просим заменить слово «банщики» словом «бабники», которым свойственнее зевать при луне в ожидании приключений.

Что стал ты, шут, носить как отчие уборы.⁷⁷
Из-под ногтей своих пусти их, возвратя,
10. Чтоб нежных бедр твоих и мягких лапок я
Бичом не расписал горячим, может статья,
И неожиданно не стал бы ты метаться,
Как по морю корабль, под бурюю кряхтя.

---

⁷⁴ Изнеженного и распущенного Фалла Катулл, обозвав распутным, сравнивает со всем нежным и мягким: кроликовым и гусяным пухом, мякотью уха и даже плесенью, что не мешает Фаллу.

⁷⁵ Подобно буре, устремляться на чужое добро. Но в какое время – это должно было разъясниться в следующем стихе, совершенно испорченном.

⁷⁶ Сэтабский ручник (смотри 12, 13), тинские или вифинские узоры: разрисованные, расписанные или расшитые предметы неизвестно какие: платки, ковры, записные книжки или даже ножи.

⁷⁷ Шутлом Катулл обзывает Фалла, не скрывающего даже своего воровства.

26. К Фурию⁷⁸

Заложен сельский дом мой словно по заказу;
Он, Фурий, с Австером, с Фавоном не знаком,⁷⁹
Афелиот, Борей не дули здесь ни разу,⁸⁰
Но тысяч до двух сот залогу есть на нем.⁸¹
5. О буря страшная, несущая заразу!

---

⁷⁸ Попрошайка Фурий (11, 23, 24), на отказ Катулла дать ему денег, потому что их не было у самого поэта, вероятно указывал ему не только на его виллу, но и на самое ее положение, охраняющее ее от ветров и потому еще более возвышающее ее ценность. На это замечание Катулл отвечает, играя словом *opposita*, означая: выставленная с одной стороны на ветер, а с другой как залог.

⁷⁹ Австер – южный, а Фавон или Зефир – западные ветры.

⁸⁰ Афелиот – восточный ветер, а Борей – северный.

⁸¹ Ничтожный залог около тысячи наших рублей ничего не говорит о стоимости виллы.

27. К мальчику-прислужнику⁸²

Фалерна старого служитель-мальчик, нам
Лей в чаши горечи хмельной и беспощадной,
Такой закон дала Постумия пирам,⁸³
Пьянее ягоды налившись виноградной.⁸⁴
5. Прочь вы, струи воды, куда угодно вам,
Губителям вина; вы к строгим ворчунам
Ступайте: чистого здесь царство Тионейца.⁸⁵

---

⁸² Старые римские вина, отзывавшиеся приятной горечью, были до того крепки, что разбавлялись водой.

⁸³ Вопреки общему обычаю, неизвестная нам Постумия, председательница пиров современной молодежи, постановила закон пить цельное вино. Конечно, под именем Постумии нельзя искать женщину высшего круга, какую-нибудь знакомую Клодии.

⁸⁴ Один из замечательнейших стихов по смелости, сжатости и образности сравнения. Жаль, что Пушкин совершенно его выпустил в своем переводе, который и приводим здесь целиком: Пьяной горечью Фалерна Чашу мне наполни, мальчик! Та к Постумия велела, Председательница оргий. Ты же прочь, речная влага, И струей, вину враждебной, Строгих постников довольствуй: Чистый нам любезен Бахус.

⁸⁵ Вахх, сын Семелы, по прозванию Тионейский, или от греческого слова *θυειν* (неистовствовать), или от Тионы, прозвания Семелы.

28. К Веранию и Фебуллу⁸⁶

Службы Пизоновой тощие спутники
С ловкими сумками и маловесными⁸⁷
Добрый Вераний, Фабулл ты сердечный мой;
Как поживаете? Вдоволь ли с кислым тем⁸⁸
5. Холоду, голоду вы натерпелися?
Или у вас на таблицах прибыточка⁸⁹
Виден расход? Так и я с своим претором
Как походил, лишь расходы выставил.
Добрым порядком, о Меммий, ты драл меня
10. И всевозможных наделал мне гадостей!
Вижу, что в том же и вы положении
Были. Дубинкой не меньшей вас гладили⁹⁰
Тож. Вот высоких друзей и отыскивай.
Пусть же все боги карают с богинями
15. Вас, поношение Рема и Ромула.

---

⁸⁶ Подобно тому, как сам Катулл отправлялся в Вифинию с пропретором Меммием, которого он так бранит (10), почти одновременно с ним два лучших его друга Вераний (9) и Фабулл (13, 12, 45) возвращались из свиты проконсула Пизона, вероятно, из Испании. По собственному опыту Катулл в настоящем стихотворении предчувствует, что и его приятели разжились на службе у консула не более, чем он у своего Меммия, и за то облегчает душу бранью против высоких друзей.

⁸⁷ Сумки путешественников ловки и подручны по своей маловесности.

⁸⁸ *Vappa* собственно прокисшее вино, а в переносном значении негодный человек в роде нашей кислятины.

⁸⁹ На записных таблицах для отметок прихода пришлось выставлять одни расходы.

⁹⁰ Слово «были» показывает, что Вераний и Фабулл во время написания стихотворения уже не были на службе у Пизона.

29. К Цезарю⁹¹

Кто это видеть может, кто перенесет,
Коль не бесстыдник он, распутник и игрок,⁹²
Что у Мамурры то, чем прежде Галлия
Косматая владела и Британия?⁹³
5. Беспутный Ромул, видишь все и терпишь ты,⁹⁴
А тот теперь и в гордости и в роскоши
Пойдет ходить по всем постелям по чужим,
Как словно белый голубок или Адонис.
Беспутный Ромул, видишь все и терпишь ты?
10. Ведь ты бесстыдник, и распутник, и игрок.
Не с этой ли ты целью, вождь единственный,
На самом крайнем острове был запада,
Чтоб этот хлыщ истрепанный у вас глотал⁹⁵
По двести или триста тысяч там за раз?
15. Иначе что же значит щедрость вредная?⁹⁶
Иль мало размотал он? Мало расшвырял?
Сперва он погубил отцовское добро,
Затем Понтийскую добычу, в-третьих же⁹⁷
Иберскую, что знает златоносный Таг.⁹⁸
20. Не для него ль и Галлия с Британией?
Что эту дрянь лелеете? Что может он,
Как не глотать отцовское наследие?
Не в силу ли уж этого, нежнейшие
Вы, тесть и зять, весь разорили круг земной?⁹⁹

---

⁹¹ Хотя это стихотворение и желает преимущественно насолить Цезарю, но формально направлено против его начальника военных построек, всадника Мамурры, родом из Формии (Molo di Gaeta), которые поэтому Гораций (1 сат. 5, 37) иронически называет городом Мамурр. Мамурра сперва растратил отцовское наследство (ст. 17), почему он и называется (41, 4. 43, 5) гулякой Формианцем, но после в Понте и Испании и под конец в Галлии скопил огромные богатства, которые употреблял на роскошные постройки в Риме. В жизнеописании Катулла мы говорили о шаткости догадок насчет причин исключительной ненависти Катулла к Мамурре и через него к самому Цезарю, в том числе и об Амеане, послужившей будто бы яблоком раздора (Вестфаль). Настоящее стихотворение, в форме Архилоховских ямбов, написано в 55 году тотчас за первым походом Цезаря в Британию (стих. 4, 20), но раньше смерти Юлии, дочери Цезаря и супруги Помпея, которая умерла в сентябре 54 года. Не может быть сомнения, что Мамурра, подобно самому Цезарю, не отличался особенной чистотою нравов, но трудно определить, в какой мере он заслуживал такую исключительную ненависть. Нет сомнения, что своим любострастием он в Риме заслужил уличную кличку *Mentula*, которую мы переводим словом хлыщ, которым так часто играет Катулл в своих нападках на Мамурру.

⁹² Тонкий намек на Цезаря.

⁹³ *Comata Gallia*, в противоположность *Togata*, вследствие длинных волос ее жителей.

⁹⁴ *Беспутный Ромул* – в смысле главы государства – Цезарь.

⁹⁵ *Мамурра*.

⁹⁶ Цезаря вообще упрекали в щедрости к дурным людям, и мы не нашли лучшего выражения для *sinistra* – с левой руки.

⁹⁷ В войне Помпея против Митридата Понтийского (66–64 гг. до Р. Х.).

⁹⁸ При Цезаре, который (61–60 гг. до Р. Х.) вел в Лузитании войну, обогатившую его и его приближенных. Здесь в первый раз река Таг приводится в качестве золотоносной; эпитет, оставшийся за нею у поэтов.

⁹⁹ Тесть и зять – Цезарь и Помпей.

30. К Алфену¹⁰⁰

Алфен, так все забыв, товарища надуть!
Иль друга милого не жаль тебе ничуть?
Рад обмануть меня, предать ты, нечестивый?
И небожителям противен смертный лживый.
5. Ты это все забыл, отдав меня бедам.
Увы! Скажи, как быть, кому же верить нам?
Ты душу-то раскрыть велел мне лицемерно
И под любовь подвел, как будто все так верно.
Теперь уходишь ты; все речи, все дела
10. На ветер брошены, их туч уносит мгла.
Хоть ты забыл, но бог и Верность не забыли,
Они в делах тебе раскаяться судили.¹⁰¹

---

¹⁰⁰ Неизвестный нам друг Катулла Алфен подвел поэта (быть может, при помощи других) под любовь (к Лезбии), а затем ввиду возникших осложнений, уклонился от этого дела. В этом стихотворении слышится не озлобление, а скорый грустный упрек другу, который еще

¹⁰¹ может раскаяться в своем поступке.

31. К полуострову Сирмиону¹⁰²

Всех полуостровов, всех островов зеница
Ты, милый Сирмион, насколько среди озер
Иль на морях их есть двоякого Нептуна¹⁰³
Тебя доволен так, так рад я увидеть!
5. Едва мне верится, что с тинских и вифинских¹⁰⁴
Вернувшись полей, я вижу твой приют.
О что отраднее покинутой заботы,
Как бремя сняв с души, и путника трудом
Измучась, мы идем опять к родному Лару,
10. Чтоб на желанную давно возлечь кровать.
Вот это всех трудов единая награда.
О здравствуй, Сирмион, владельцу будь же рад;
Вы, волны озера сквозные, веселитесь:
Все смейся, что в доме хохочущего есть.¹⁰⁵

---

¹⁰² Это прелестное стихотворение написано вскорости по возвращении Катулла из Вифинии (56–55 гг. до Р. Х.), приблизительно одновременно (4). Из отцовского дома в Вероне поэт навестил свою сирмионскую виллу, которой он (стих. 12) состоял владельцем. Прелести Гардского озера и тишина домашнего приюта сказались в этой песне. Сирмион, ныне Sirmione, узкая утесистая коса на южном берегу Гардского озера. Древние развалины императорских времен на северной ее оконечности до сих пор слывут виллой Катулла.

¹⁰³ Бога озер и морей.

¹⁰⁴ *Тиния* – имя области ближайшей к Босфору, слившейся в III веке до Р. Х. с Вифинией и сохранившей свое имя лишь у поэтов.

¹⁰⁵ Какой неподдельной радостью звенит этот неожиданный стих, которому равного не скоро отыщешь.

32. К Ипсифилле¹⁰⁶

Пожалуйста, голубка Ипсифилла,
Моя услада и моя ты прелесть,
Ты прикажи к тебе придти мне в полдень.
И если так велишь, то прикажи уж,
5. Чтоб на засов никто не запер двери,
И ты сама уйти куда не вздумай;
А оставайся дома и готовься,
Чтоб девять раз тебя я обнял кряду.
Но если так, приказывай немедля:
10. Так как я сыт и навзничь повалился,
Туника мне и паллий даже узки.

---

¹⁰⁶ Эта записка к Ипсифилле, несмотря на ласкательные выражения, явно показывает бесцеремонность, с которой поэт обращается к простой либертине. Время ее написания неизвестно.

34. К Диане¹⁰⁷

Мы под защитой Дианиной,
Чистые девы и мальчики,
Встретим Диану, мы чистые,
Песню благочестивой.

5. О Латония,¹⁰⁸ вышнего
Дочь Громовержца великая,
Ты, породила которую
Мать под делосской оливой,¹⁰⁹
Чтобы была ты владычицей

10. Гор и лесов зеленеющих
И по сокрытым ущелиям¹¹⁰
Рек с громозвучной волною.
Ты и Люцина томящимся,¹¹¹
Ты и Юнона родильницам,
15. Тривия¹¹² тоже, с заемным ты
Светом зовешься Луною.

Ты, в обращении месячном
Меся теченье годичное,
В закромы сельского пахаря
20. Сыплешь и сбор нарочитый.

Будь, под каким бы ты именем
Ни пожелала, священною,
И как издревле будь правнукам
Ромула вечной защитой.

---

¹⁰⁷ Этот гимн к Диане, очевидно, написан, как и позднейшая песнь столетию Горация, по поводу торжества Дианы на Авентине 13-го августа или Дианы *Nemorensis* в Ариции; вероятно, в тот же день и предназначался для хорового пения целомудренных девочек и мальчиков. Отдельные строфы пелись теми и другими или попеременно или сообща.

¹⁰⁸ Латония (Великая Диана), дочь вышнего Юпитера.

¹⁰⁹ Латона, преследуемая ревностью Юноны, родила Диану на плавучем острове Делосе (в награду закрепленном на месте) – Одиссея 6, 162 – под пальмой; Каллимаха гимн. 4, 262 – под оливой.

¹¹⁰ Жилище диких зверей.

¹¹¹ *Люцина* – римское прозвание Юноны, как помощницы в родах придавалось и Диане, чем объясняется и последующий стих.

¹¹² *Тривия* – периодическое исчезновение луны (олицетворенной Дианой) навело древних на мысль, что она в это время спускается в подземное царство, являясь таким образом тройственной владычицей неба, земли и Аида. В этом качестве выставленная на перекрестках (*trivium*), она была Тривия. Уже Пармениду было известно, что луна заимствует свой свет от солнца.

35. Приглашение Цэцилию¹¹³

Нужному поэту, другу сердца,¹¹⁴
Ты, письмо, Цэцилию скажи-ка,
Чтоб в Верону прибыл он, покинув
Стены Кома и Ларийский берег:¹¹⁵
5. Я желал бы, чтоб услышал мысли
Своего и моего он друга.¹¹⁶
Коль смышлен он, то пожрет дорогу,
Хоть бы тысячью его молений
Отзывала дева, обе руки
10. Наложив на шею, чтоб остался,
Та, что ныне, если правду слышу,
От любви к нему совсем изныла.
Ибо с той поры, как прочитал он
Начатую Диндимену, пламень¹¹⁷
15. Пожирает мозг в костях бедняжки.
Я тебе прощаю дева, Саффо
Ты мудрее: очень уж изящно
Мать богов стал воспевать Цэцилий.

---

¹¹³ Катулл приглашает своего друга, неизвестного нам поэта Цэцилия, оставить свое Комо и бежать к Катуллу в Верону, чтобы услышать какие-то неизвестные нам соображения Катулла. Стихотворение это написано не ранее 59 года.

¹¹⁴ Эпитет *нежный* (*tener*) придавался поэтам мелких любовных стихотворений.

¹¹⁵ *Lacus Larius* – Комское озеро.

¹¹⁶ Так шуточно Катулл называет самого себя.

¹¹⁷ Любезность по отношению к Цэцилию, согласно которой возлюбленная дева воспылала неотразимой страстью с той минуты, когда Цэцилий прочел ей начало своей поэмы *Диндемены*, матери богов Цибелы, чтимой на горе Диндимае во Фригии.

36. К Анналам Волюзия¹¹⁸

Аннал Волюзия, зловонное маранье¹¹⁹
Исполни ты моей девицы обещанье;
Венера слышала обет и Купидон:
Что если буду я ей снова возвращен
5. И злой мой ямб искать не станет в ней предмета,¹²⁰
То сочинение мерзейшего поэта
Пожертвует она хромому богу в дар,
Чтобы мучительный их охватил пожар.
И думалось тогда девицей своенравной,
10. Что это был обет и милый, и забавный.
О ты, что рождена морскою синевою,
Кого Идалий чтит и Урион морской,¹²¹
Чей Книд средь камышей любимый и Анкона,¹²²
Чей Амадут, чья власть простерта до Голгона,¹²³
15. И до Дуррахия, где Адрии притон,¹²⁴
Прими обет и будь тобой он разрешен,
Коль нет безвкусного и пошлого в затее.
А вы меж тем в огонь ступайте поскорее
Мужиковатые, полны нечистоты,
Аннал Волюзия, зловонные листы.

---

¹¹⁸ Лезбия в шутку обещала, если случайно рассердившийся на нее Катулл снова с ней примирится, то она принесет в жертву пламени самые гадкие стихи сквернейшего поэта. Катулл, которому понравилась подобная затея Лезбии, примирившись с возлюбленной, просит богиню любви принять и разрешить этот обет, представляя в очистительную жертву анналы Волюзия. Этот плохой поэт, о котором как о цизальпинце, говорится в 95, 7 и следовательно земляке Катулла, нам более неизвестен, а подражал он, без сомнения, анналам Энния.

¹¹⁹ Резкое выражение вместо *измаранная бумага*.

¹²⁰ Перестану оскорблять ее ямбами.

¹²¹ *Идалий* – город на Кипре, как главное святилище Афродиты. *Урион* – на Апулийском берегу у подножия горы Гаргана.

¹²² *Книд* – дорийский город с тремя храмами Афродиты и со знаменитой статуей богини работы Праксителя, был окружен камышами, которые шли на трости для писания и на бумагу, папирус. Анкона, и поныне в северной части Адриатического моря, была известна и во время Ювенала храмом Венеры.

¹²³ *Амадут* – на южном берегу Кипра, нынешний Лимиссо, преимущественно римскими поэтами связывается с именем Венеры *Аматузии*. *Голгост* на том же острове.

¹²⁴ *Дуррахий* – ныне Дураццо против Брундизия на Иллирийском берегу, в качестве пути сообщения между Италией и Востоком, обзывается притоном или трактиром Адрии и, как такой притон торговых и проезжих людей, славился свободой нравов.

38. К Коринфицию¹²⁵

Плох, Корнифиций, стал Катулл твой и к тому же
Ему, клянусь, совсем тошнехонько пришло
И хуже с каждым днем и с каждым часом хуже.
А ты, казалось бы, не очень тяжело,
5. И не обрадуешь словечком утешенья?
Я злюсь. Ужель меня забыть тебе пришлось?
Словцо участия отрадней, без сомненья,
Всех симонидовских красноречивых слез.¹²⁶

---

¹²⁵ Можно допустить, что этот упрек другу Коринфицию, тождественному, быть может, с лирическим поэтом, упоминаемым Ovid. Trist. 2, 436, был написан во время последней болезни Катулла.

¹²⁶ Слово *слезы* перевод заглавия Симонидовских песен печали: θρήνον.

39. К Эгнатию¹²⁷

Эгнатий, белизну зубов своих являя,
Век улыбается: к скамейке приступая¹²⁸
Судебной, где до слез защитник всех довел,
Он улыбается; иль на костер набрел,
5. Где с воплем плачет мать единственного сына,
Он улыбается. Повсюду все едино

---

¹²⁷ Это, несколько длинное в сравнении со своей сущностью, стихотворение обращено против щеголя Эгнатия, имевшего привычку всюду скалить свои белоснежные зубы и раздражавшего Катулла, как видно из пропущенного нами 37, своим ухаживанием за Лезбией.

¹²⁸ К скамье подсудимых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.